

Генри Райдер Хаггард

Голубая портьера

Генри Райдер Хаггард Голубая портьера

*OCR & SpellCheck: Zmiy (zmiy@inbox.ru), 8 декабря 2003 года
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=125056*

Содержание

I	4
II	12
III	18
IV	29
V	37
VI	47

Генри Райдер Хаггард

Голубая портьера

I

В полку его фамильярно называли Бутылкиным, а почему – толком никто не знал. Однако ходили слухи, что в Харроу он получил это прозвище из-за формы носа. Не то, чтоб нос его очень походил на бутылку, но внушительный и мясистый он изрядно закруглялся на конце. На самом же деле, нашего героя окрестили так еще в детстве. В наше время, если человека наградили прозвищем, обычно за этим стоит следующее: во-первых, он добрый малый, во-вторых – хороший друг. «Бутылкин», иначе говоря Джон Джордж Перитт, служивший в полку, в каком именно для нас не так уж и важно, полностью соответствовал каждому из этих определений, ибо не было на белом свете более добродушного человека и лучшего друга. Красивым его никак нельзя было назвать, разве что мясистый, круглый нос, пара маленьких, светлых глаз под навесом густых бровей и большой, но приятно очерченный рот можно счесть образцом мужской красоты. С другой стороны, мужчина он был видный, осанистый с приятными манерами, хоть и молчун.

Много лет назад Бутылкин влюбился в одну особу и весь

полк знал о его всепоглощающем чувстве, которое он и не скрывал. В его прибранном жилище над кроватью висела фотография его единственной избранницы, которая ни у кого не оставляла сомнений относительно его вкусов и пристрастий. Даже эта тусклая фотография давала представление о том, что у мисс Мадлены Спенсер прелестная фигура и очаровательные глаза. Поговаривали, однако, что у нее ни гроша за душой, а поскольку наш герой и сам не метил в Ротшильды, полковые кумушки нередко судачили о том, как же он будет «выкручиваться», когда дело дойдет до брака.

В ту пору их полк квартировался в Марицбурге, но срок заграничной службы истек и все с нетерпением ожидали, когда же их отзовут домой.

Однажды утром Бутылкин поехал на охоту со стаей собак, наспех собранных вместе, которых держали при гарнизоне. Погоня шла успешно, и, проделав галопом семь или восемь миль, они, в конце концов, подстрелили свою жертву – прекрасную антилопу ориби. Такое случалось нечасто, и Бутылкин, привязав добычу к седлу, вернулся домой радостный и гордый, поскольку он был доезжачим в стае. Собак выпустили на рассвете, и было уже около девяти утра, когда он, разгоряченный и усталый, скакал по тенистой стороне широкой и пыльной Черч стрит. В крепости перед зданием правительства выстрелила пушка, возвещая о прибытии почты.

Для него прибытие почты означало одно, а то и все два письма от Мадлены, а, может быть, и радостное известие,

например, приказ о выходе в море. С сияющей улыбкой он помчался домой, принял ванну и переоделся, а потом отправился завтракать в гарнизонную столовую в предвкушении письма. Но корреспонденция в тот день оказалась весьма обширной, и у него было вдоволь времени, чтобы съесть завтрак. Он сидел на уютной веранде под сенью бамбуков и камелий и курил трубку, пока, наконец, не появился ординарец с почтой. Бутылкин тотчас же удалился в комнату, выходящую на веранду и спокойно встал рядом, не желая выдавать своих чувств, пока офицер сортировал письма. Наконец, ему вручили его конверт, где лежало несколько газет и одно единственное письмо, и он вернулся на веранду слегка разочарованный, поскольку ждал вестей от брата и любимой. Медленно раскурив трубку – он принадлежал к числу тугодумов и медлителей – а ведь известно, что растягивая удовольствие, вы лишь усиливаете его, – он уселся в огромном кресле напротив расцветшей накануне камелии с блестящими глянцевыми лепестками, вынул письмо и начал читать:

«Дорогой Джордж!»

– Боже милостивый! – подумал он про себя, – в чем дело?

Она всегда обращалась ко мне «Мой милый Бутылкин!»

«Дорогой Джордж, – снова начал он, – даже не знаю, с чего начать. Слезы застилают глаза, а когда я думаю, что ты читаешь мое письмо в этой жуткой стране, я начинаю рыдать еще сильнее. Слушай же! Лучше сказать все сразу, – потому

что отсрочкой делу не поможешь – между нами все кончено, мой дорогой и любимый Бутылкин!»

– Все кончено! – задохнулся он.

«Я не знаю, как поведать тебе эту печальную историю, – читал он дальше, – но если уж рассказывать – то с самого начала. Месяц назад вместе с отцом и теткой я поехала на бал в Афертон и там встретила сэра Альфреда Кростона, джентльмена средних лет, который несколько раз пригласил меня на танец. Я не обратила на него особого внимания, но он был столь обходителен, что, когда мы вернулись домой, моя тетка – ты знаешь ее мерзкий характер – поздравила меня с победой. На следующий день он нанес нам визит, и папа пригласил его к обеду. Он повел меня к столу, а перед тем, как уходить, сказал мне, что собирается остановиться в местной гостинице «Джордж инн», чтобы половить форель в нашем озере. А потом стал приходить каждый день, и когда я выходила погулять, всегда встречал меня и был очень мил и добр. Наконец, однажды он предложил мне выйти за него замуж, а я ужасно рассердилась и сказала, что помолвлена с военным, который служит в Южной Африке. Он рассмеялся и сказал, что Южная Африка далеко, а я с ненавистью посмотрела на него. В тот вечер папа и тетя прямо-таки напали на меня – ты ведь знаешь, они оба не одобряют нашу помолвку, а тут они начали убеждать меня, что наша связь совершенно бессмысленная, что, если я откажу ему, то буду полной идиоткой. Так все и тянулось, поскольку отказа он не принимал,

и, наконец, я дала согласие. Они не оставляли меня в покое, и папа умолял меня принять предложение ради него. Отец убедил меня, что этот брак будет удачным и, кажется, я уже помолвлена. Дорогой, дорогой. Джордж, не сердись на меня – это не моя вина, и думаю, мы все равно не могли бы пожениваться – у нас ведь так мало денег. Я очень, очень люблю тебя, но я не в силах ничего изменить. Я надеюсь, что ты не забудешь меня и не женишься на другой – по крайней мере не сейчас – одна мысль об этом повергает меня в ужас. Напиши мне и скажи, что ты не забудешь меня и что ты не сердишься. Если хочешь, я верну твои письма. Можешь сжечь и мои – я не возражаю. Прощай, родной мой! Если бы ты только знал, как мне тяжело! Тетушке легко говорить о брачном контракте и брильянтах, но кто мне заменит тебя? Прощай, дорогой мой, я не могу больше писать – голова раскалывается. – Твоя Мадлена Спенсер.»

Когда Джордж Перитт, он же Бутылкин, прочел и перечел это послание, он аккуратно сложил его и в своей обычно спокойной манере опустил в карман. Затем сел и пристально посмотрел на цветы камелии, которые показались ему сейчас блеклыми и туманными, словно их разделяло пятьдесят ярдов, а не несколько шагов.

– Да, это удар, – сказал он себе. – Бедная Мадлена! Как она, должно быть, страдает!

Потом встал и нетвердой походкой, совершенно раздавленный, направился в свое жилище и, взяв лист бумаги, на-

писал следующее письмо:

«Дорогая Мадлена! Я получил твое письмо с вестью о расторжении нашей помолвки. Не хочу говорить о себе, когда ты так страдаешь. Скажу одно: для меня это удар. Я любил тебя столько лет, наверное, с самого раннего детства, и потерять тебя теперь – очень трудно. Я надеялся, что получу должность адъютанта в милицейском полку и мы сможем пожениться. Думаю, мы бы прожили на пятьсот фунтов в год, хотя, возможно, я не в праве ждать, чтобы ты отказалась от комфорта и удовольствий, к которым привыкла, но боюсь, когда человек влюблен, он склонен к эгоизму. Однако все это в прошлом, и без всяких недомолвок скажу: я и помыслить не могу о том, чтобы стоять у тебя на пути. Я слишком люблю тебя, Мадлена, а ты слишком хороша собой и слишком изыскана, чтобы выйти замуж за бедного младшего офицера, которому ничего не светит, кроме его оклада. Верю в то, что ты будешь счастлива. Я не прошу, чтобы ты слишком часто думала обо мне, может быть, в мирном настроении ты иногда вспомнишь своего старого возлюбленного – уверен, что никто не дорожил тобою больше, чем я. Не бойся, что я забуду тебя или женюсь на ком-нибудь. Я не сделаю ни того, ни другого. На этом должен закончить письмо, чтобы успеть отправить его с уходящей почтой. Наверное, все уже сказано. Это тяжкое испытание – очень тяжкое, но нельзя поддаваться унынию и слабости. Меня немного утешает то, что ты «вырастешь в должности», как говорят между собою слуги.

Прощай, Мадлена. Храни тебя Бог, – вот моя ежедневная молитва. Джордж Перитт.»

Едва он закончил письмо и торопливо отправил его с уходящей почтой, как раздался зычный голос: «Старина Бутылкин, пойдем ко мне, поговорим, вышел приказ, что мы снимаемся с места через две недели, а затем показался и сам обладатель звонкого голоса, другой младший офицер, закадычный друг нашего героя. «Ты, кажется, ничуть не рад?» – проговорил он сорванным голосом, заметив, что у приятеля удрученный и несколько оцепенелый вид.

– Да нет, ничего особенного. Итак, вы отбываете через две недели?

– Что значит: «вы». Мы все отбываем, все от полковника до барабанщика.

– Наверное, я не поеду, Джек, – последовал уклончивый ответ.

– Послушай, старина, ты с ума сошел или пьян?

– Нет, не думаю, может быть, сошел с ума, но точно не пьян.

– Тогда что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду, что, короче, я высылаю свои бумаги. Мне нравится здешний климат – короче, я собираюсь стать фермером.

– Высылаешь бумаги! Хочешь стать фермером в этой богом забытой дыре. Ты, наверное, пьян.

– Нет, отнюдь. Сейчас только десять часов.

– А как же твоя свадьба и девушка, с которой ты помолвлен и которую так хотел увидеть? Она тоже займется фермерством?

Бутылкин вздрогнул.

– Нет, видишь ли, как бы это сказать, одним словом, с этим все кончено. Моя помолвка расторгнута.

– Вот это да! – сказал приятель и неуклюже ретировался.

II

Прошло двенадцать лет, как Бутылкин отправил свои бумаги и много воды утекло с тех пор. Случилось так, что единственный и старший брат нашего героя, благодаря неожиданному развитию чахотки у законных наследников, получил титул баронета и восемь тысяч годового дохода, а сам Бутылкин – скромное, но для него вполне достаточное состояние в восемь сотен фунтов. Когда до него дошла эта весть, он сражался в чине капитана добровольных войск в одной из многочисленных войн в колонии Кейп. Он довоевал эту кампанию, а затем, уступив просьбам брата и собственному естественному желанию побывать на родине после четырнадцатилетнего перерыва, вышел в отставку и вернулся в Англию.

Таким образом, следующее действие этой маленькой драмы разворачивается не на южно-африканских пастбищах и не в свежевыкрашенном колониальном доме, а в удобнейших апартаментах сэра Юстаса Перитта – холостого брата нашего героя, проживавшего в Олбани. И вот прежний Бутылкин, только более внушительный, застенчивый и подурневший, с шрамом через всю щеку, полученным от метательного копья, сидит в очень удобном кресле напротив затопленного камина, – на дворе ноябрь. Напротив него расположился его брат – совсем иной экземпляр рода человеческого. С пристальным, участливым любопытством смотрит он на

нашего героя сквозь стекла очков. Сэр Юстас Перитт – хорошо сохранившийся джентльмен неопределенного возраста от тридцати до пятидесяти. Выглядит он истинным лондонцем. Глаза горят, фигура поражает такой выправкой, что ему вполне можно дать тридцать лет. Но при более близком знакомстве, оценив его превосходное знание жизни и добродушный, но глубочайший цинизм, которым насквозь пропитана его речь, точно так же, как запахом лимона бывает пропитан ромовый пунш, вы бы отодвинули день его рождения на много лет назад. На самом же деле – ему ровно сорок – ни больше, ни меньше, при этом он одновременно сохранил моложавый вид и приобрел зрелость и опыт, благо разумно воспользовавшись всеми возможностями, которые выпали ему в жизни.

– Мой дорогой Джордж, – сказал сэр Юстас, обращаясь к брату, – он был полон решимости похоронить, наконец, через столько лет эту ненавистную кличку «Бутылкин».

– Давненько не испытывал я такой радости.

– Какой радости?

– Видеть тебя – какой же еще? Когда ты показался на корабле, я сразу же узнал тебя. Ты совсем не изменился, разве что потолстел.

– Ты тоже, Юстас, разве что похудел. Объем талии у тебя уменьшился.

– Ах, Джордж, когда-то я любил пиво – одно из моих многочисленных заблуждений. В сущности, за свою долгую

жизнь я понял, что почти все в ней было заблуждением и суетой сует.

– Кроме самой жизни, да?

– Вот именно. У меня нет ни малейшего желания последовать примеру наших злосчастных кузенов, – со вздохом ответил он, – чьими стараниями, однако, мы обязаны нашему поправившемуся финансовому положению, – добавил он, просветлев.

В комнате воцарилось молчание.

– Четырнадцать лет – долгий срок, правда, Джордж, ты, наверное, немало повидал за эти годы?

– Это уж точно. А сколько людей поживились за казенный счет в армии.

– Но сам-то ты, конечно, держался в стороне?

– Да, на хлеб насущный мне хватало, а большего я и не заслужил.

Сэр Юстас подозрительно посмотрел на брата сквозь стекла очков. «Ты слишком скромн, – проговорил он. – Так не годится. Если хочешь преуспеть, нужно быть о себе более высокого мнения.»

– Но я не хочу преуспеть. Меня вполне устраивает мой заработок, а скромн я от того, что видел множество более достойных людей.

– Но тепер тебе не надо думать о заработке. Что ты собираешься делать? Будешь жить в городе? Я могу тебя ввести в самое лучшее общество. Будешь настоящим светским львом

с этим шрамом на щеке, – кстати, ты должен рассказать, откуда он у тебя? А потом, ты знаешь, если со мной что случится, ты унаследуешь титул и поместье. Вполне достаточно, чтобы поддержать тебя.

Бутылкин неловко заерзал в кресле.

– Спасибо тебе, Юстас, но знаешь ли, мне не нужно, чтобы меня поддерживали, ничего мне не нужно. Я бы скорее вернулся в Южную Африку, в полк. Да, да. Я не переношу чужих людей, высшее общество и все такое. Я не их поля ягода, в отличие от тебя.

– Тогда что же ты собираешься делать? Женишься и поселишься за городом?

Бутылкин покраснел – сквозь загорелые щеки выступил легкий румянец, что не укрылось от его наблюдательного брата. «Нет, я не собираюсь жениться, конечно, нет.»

– Кстати говоря, – небрежно заметил сэр Юстас, – вчера я видел твою прежнюю любовь, леди Кростон, и сказал ей, что ты возвращаешься домой. Она теперь прелестная вдова.

– Что!?! – воскликнул ошеломленный брат, медленно приподнимаясь в кресле. – У нее умер муж?

– Да, умер год назад, и тем лучше для него. Он меня назначил одним из своих душеприказчиков, не знаю почему – мы всегда недолюбливали друг друга. Мне кажется, он был одним из неприятнейших людей, каких мне довелось встретить в этой жизни. Говорят, он своей жене попортил много крови. Впрочем, поделом ей.

– Почему поделом?

Сэр Юстас пожал плечами.

– Когда бессердечная девчонка обманывает юношу, с которым она помолвлена, и ее покупает старое животное, пожалуй, она заслуживает всего, что имеет. Данная особа заслужила гораздо худшего, на самом деле ей крупно повезло – гораздо больше, чем она рассчитывала.

Его брат снова присел, прежде, чем дать ему сдержанный ответ: «Тебе не кажется, что ты очень суров к ней, Юстас.»

– Суров к ней? Нет, ничуть. Из всех ничтожных женщин, которых я знаю, она самая ничтожная. Ну скажи, как она отнеслась к тебе?

– Юстас, – почти резко вклинился в разговор его брат, – если ты не возражаешь, я прошу, чтобы ты не говорил о ней так в моем присутствии. Я не могу – короче, мне не нравится.

У сэра Юстаса вылетело из глаза пенсне – так широко он раскрыл его, уставясь на брата. «Послушай, дорогой мой, не хочешь ли ты сказать, что ты по-прежнему равнодушен к этой женщине?»

Его брат неловко повернулся в низком стуле: «Не знаю, равнодушен или нет, но мне не нравится, когда ты говоришь о ней в таком тоне.»

Сэр Юстас слегка присвистнул. «Прости, если обидел тебя, старик, – сказал он. – Я не знал, что наступаю на больную мозоль. Должно быть, только в Южной Африке остались такие верные люди. Здесь «святые чувства» умирают быстрее.

Мы меняем их, как перчатки, каждые двенадцать лет.»»

III

В ту ночь Бутылкин долго не ложился. Сэр Юстас, вечно озабоченный своим здоровьем, старался не засиживаться допоздна, если была такая возможность, и сегодня видел уже третий сон, в то время как его брат курил трубку за трубкой и размышлял. Много раз он сидел в той же задумчивости в фургончике, затерянном в глуши африканских пастбищ, или стоял возле водопадов на реке Замбези, преобразенных луною в стремительные потоки жидкого серебра, или одиноко сидел в своей палатке посреди уснувшего лагеря. У этого чудаковатого, молчаливого человека вошло в привычку размышлять долгими ночными часами, когда долго не шел сон. С годами эта привычка стала ахиллесовой пятой его организма.

Что до его размышлений, то их было множество, но в основном они отражали ту причудливую созерцательную сторону его природы, которую он никогда не приоткрывал постороннему взору. Мечты о счастье, ни разу не выпавшего на его долю за всю прошлую жизнь, полумистические, религиозные размышления о величии неведомых миров, окружающих нас, грандиозные планы возрождения всего человечества – все это составляло предмет его раздумий.

Но существовала одна главная мысль, неподвижная звезда в его сознании, вокруг которой непрерывно вращались все

остальные, переняв ее свет и цвет, и это была мысль о Мадлене Кростон, женщине, с которой он был помолвлен. Долгие годы прошли с тех пор, как он видел ее лицо в последний раз, и все же оно всегда было рядом. Кроме редких упоминаний ее имени в какой-нибудь светской хронике, – кстати говоря, он годами выписывал несколько газет и нарочно выискивал там это имя – до сегодняшнего дня он ни разу не слышал его из чужих уст. И тем не менее со всей глубиной и силой своей природы он помнил о ней. То, что она оставила его и вышла замуж за другого, нисколько не поколебало его любви. Когда-то она любила его, а значит, он был вознагражден за пожизненную верность. Он не был тщеславен. Все его тщеславие сосредоточилось на Мадлене, и, когда эта мечта рухнула, все остальное рухнуло вместе с нею, рассыпавшись в прах. Он попросту выполнял свой долг, в чем бы он ни заключался, как велел ему Господь, не боясь быть обвиненным в чем-нибудь и не надеясь на похвалу, избегал мужчин и по возможности не общался с женщинами, довольствовался своим скромным заработком, а что касается остального – нисколько не выделялся, держа в секрете свою тайную и безнадежную страсть.

А теперь оказалось, что Мадлена – вдова, а это означало, – его сердце начинало радостно биться при одной мысли об этом – что она свободна. Мадлена – свободная женщина и сейчас находится в трех минутах ходьбы от него. Их уже не разделяют морские просторы. Он встал, подошел к столу и

заглянул в Красную Книгу, лежавшую на нем. Там был ее адрес – дом на Гросвенор стрит. Не справившись с порывом чувств, он вышел из комнаты. Прийдя в свою собственную, он взял свой макинтош и круглую шляпу и тихо вышел из дому. Было два часа утра, лил сильный дождь и дул резкий ветер.

Ребенком он бывал в Лондоне и помнил главные улицы, так что без труда дошел от Пикадилли до Парк Лейн, где по данным Красной Книги начиналась Гросвенор стрит. Но найти саму Гросвенор стрит оказалось значительно сложнее – в такую ночь и в такой час спросить некого, а маловероятней всего встретить полицейского. В конце концов, он нашел его и поторапливающимся шагом заспешил вниз по улице. Он не мог сказать, куда он так спешит, но этот подчинявший его себе ритм все время подгонял его.

Вдруг он запнулся и начал разглядывать номер дома при слабом, мерцающем свете от ближайшего фонаря. Это был ее дом, теперь их разделяло всего несколько футов тротуара и четырнадцать инчей кирпичной кладки. Он перешел на другую сторону улицы и взглянул на дом, но с трудом различал его сквозь проливной дождь. Кругом никаких признаков жизни. Свет в доме не горит. Но свет и жизнь трепетали в сердце безмолвного наблюдателя. Кровь бежала наперегонки с мыслями, толкавшимися в уме. Он стоял в тени, пристально глядя на мрачный дом, не обращая внимания на резкий ветер и проливной дождь, и чувствовал, как вся его

жизнь и дух уходят из-под его власти. И даже шторм, бушевавший вокруг, казалось, ничего не значит рядом с судорогами, сотрясавшими все его естество, в этот миг безумия и одновременно счастья. И как внезапно это возникло, точно также стремительно и схлынуло, оставив его стоять там с холодным ощущением безумия в мозгу и промозглой погоды во всем теле, ибо в такую ночь макинтош и пальто не спасли бы даже самого пылкого любовника. Он поежился и, повернувшись, направился назад в Олбани, искренне застыдившись самого себя и своей полночной экспедиции и искренне радуясь, что о ней никто не знает, кроме него самого.

На следующий день Бутылкин – для удобства будем называть его прежним именем – должен был повидаться с адвокатом в связи с деньгами, которые он унаследовал, и еще поискать коробку, затерявшуюся на корабле, затем купить шляпу с высокой тульей, которую он не надевал вот уже четырнадцать лет, так что уже было полчетвертого, когда он попал в Олбани. Здесь он надел новую шляпу, которая как-то несуразно смотрелась на нем, и новое черное пальто, которое сидело как влитое, и отбыл по направлению к Гросвенор стрит, яростно сражаясь с парой перчаток, тоже недавно приобретенных.

Через четверть часа он добрался до дому, уже хорошо зная путь к нему. Бросив мимолетный взгляд на то место, где стоял прошлой ночью, он поднялся вверх по лестнице и позвонил в звонок. Хотя с виду он казался достаточно храбрым

– вернее внушительным – широкоплечий с большим шрамом на бронзовом лице, в груди его гнезился ужас. Однако времени на то, чтобы углубиться в это чувство, у него было немного, поскольку привратник, все еще облаченный в траурные одежды по случаю чужого несчастья, открыл дверь с поразительным проворством и его ввели наверх, в небольшую, но богато обставленную комнату.

Мадлены в комнате не было, хотя судя по кружевному платку, упавшему на пол возле небольшого стула, и раскрытому роману, оставленному на плетеном столе, она только что вышла. Привратник ушел, проговорив торжественным шепотом, что «госпоже» будет доложено, оставив нашего героя наедине с его переживаниями. Принадлежа к тем людям, в которых любое ожидание вселяет беспокойство, он принялся рассматривать картины и фарфор и даже приблизился к паре очень тяжелых, голубых бархатных портьер, которые явно сообщались с другой комнатой, и заглянул через них в значительно более просторное помещение, где стояла мебель в чехлах, напоминавших приведения.

Эта печальная картина заставила его отступить, и, в конце концов, он замер на коврике перед камином и стал ждать. «Не рассердится ли она на меня за этот непрошенный визит? – спрашивал он себя. – Не напомнит ли он ей о том, что ей хотелось бы забыть. Но может быть, она и так все забыла – ведь сколько времени прошло. Интересно, сильно ли она изменилась? А может, он ее не узнает? Возможно.» Тут

он поднял глаза и увидел, как, выступая из голубых бархатных складок, появилась Мадлена во всем блеске и великолепии красоты, без малейших следов возраста, по крайней мере в этих тусклых ноябрьских сумерках. Она стояла перед ним, чуть приоткрыв красиво очерченный рот, словно собравшись сказать что-то, а во взгляде больших темных глаз таилось смутное любопытство и грудь ее слегка вздымалась, словно от волнения.

Бедный Бутылкин! Одного взгляда оказалось достаточно. Не пристать ему к благословенной гавани развеянных иллюзий. Через пять секунд он уже был далеко в море – и много дальше, чем прежде. Когда она осознала, кто стоит перед ней, она слегка опустила глаза – и он увидел загибающиеся кверху ресницы, закрывавшие полщеки, и сделал шаг навстречу.

– Здравствуй! – тихо сказала она, протягивая ему свою тонкую, прохладную руку.

Он взял эту руку и пожал ее, но сказать ничего не мог, хоть убей. Ни одна из заранее приготовленных речей не приходила в голову. Однако жестокая необходимость сказать хоть что-нибудь висела над ним.

– Здравствуй! – воскликнул он, рванувшись вперед. Сейчас – сейчас очень холодно, да?

Это замечание прозвучало, как признание в полном и анекдотическом фиаско, так что леди Кростон не могла не рассмеяться.

– Я вижу, – сказала она, что ты так и не преодолел свою робость.

– Столько времени прошло с тех пор, как мы не виделись, – выпалил он.

– Я очень рада видеть тебя, – последовал ее простой ответ. – Теперь присаживайся и поговорим. Расскажи мне все о себе. Стоп – прежде, чем ты начнешь – одна любопытная вещь. Знаешь, прошлой ночью я видела сон о тебе – такой странный, болезненный сон. Мне снилось, что я сплю в своей спальне – так оно и было на самом деле, – дул сильный ветер и хлестал дождь – и все это тоже именно так и было – так что ничего удивительного в этом нет. Но тут и начинается самое удивительное. Мне снилось, что ты стоишь под дождем и ветром и глядишь на меня, словно ты совсем рядом. Я не видела твоего лица, потому что ты стоял в темноте, но знала, что это ты. Потом я внезапно проснулась. Сон был таким ярким. А теперь ты пришел ко мне после стольких лет.

Он неловко приподнял ноги. Ее сон напугал его – что не удивительно. К счастью, в этот момент в комнату вошел величественный лакей и, сервируя чай, спросил, нужно ли зажечь свет.

– Нет, – сказала леди Кростон, – только подбросьте немного поленьев в камин. Она знала, что лучше всего смотрится в полутьме.

Затем, когда она подала ему чаю, умилившись им тем, что до сих пор помнит о его нелюбви к сахару, стала его допытывать

о походной жизни.

– Кстати, – проговорила она, – может быть, ты мне расскажешь эту историю. Несколько дней назад я купила для своего мальчика одну книгу (у нее было двое детей) – про brave подвиги и все такое, и там был рассказ про добровольца в Южной Африке (имя его не упоминалось), который очень заинтересовал меня. Ты что-нибудь слышал про это? Дело было так: один офицер командовал фортом, где стояли войска, которые должны были вести боевые действия против вождя местного племени. Когда этот офицер был в отъезде, местный военачальник выбросил белый флаг перед фортом, который обстреляли несколько добровольцев, потому что в той армии, попросившей перемирие, находился один человек, на которого они имели зуб. Сразу же после этого прибыл офицер и ужасно рассердился, что англичане могли учинить подобное бесчинство, в то время как их долг состоял в том, чтобы показывать всему миру, что такое честь.

– Здесь начинается самая героическая часть нашей истории. Не говоря ни слова и не обращая внимания на настоячивые просьбы своих солдат, которые знали, что он скорее всего умрет под пытками: он был такой смельчак, что туземцы назначили очень высокую цену за его голову, желая убить его, а из тела сделать себе снадобье, чтобы стать таким же храбрым, как и он, этот офицер выехал в горы в сопровождении одного переводчика, захватил с собой белый платок и подъехал к крепости. Когда туземцы увидели его с белым

платком в руках, они не стали стрелять, как его солдаты, поскольку так изумились его смелости, что решили, будто он сумасшедший или одержимый. А он подъехал к самому подножью их крепости, позвал их предводителя и попросил прощения за все, что произошло, а затем поехал обратно в целости и невредимости. Вскоре их вождь, захватив нескольких добровольцев, которые по всем правилам должны были умереть под пытками, отпустил их с запиской к офицеру, чтобы продемонстрировать, что не только он может вести себя, как джентльмен. Кто этот человек? Ты не знаешь?

Бутылкин смутился, ведь это был случай из его жизни, но ее похвала и воодушевление вызвали в нем законную гордость.

– Кажется, это участник войны в Базуто, – увиливая, сказал он со странной неуклюжестью.

– А, значит, все это правда?

– Да, отчасти. Ничего геройского тут нет. Одна суровая необходимость. Нужно было доказать им, что наша честь чего-то стоит.

– Но кто этот человек? – спросила она, подозрительно глядя на него своими темными глазами.

– Человек! – запнулся он. – Ах, человек – короче... Тут он умолк.

– Короче, Джордж, – встряла она, впервые назвав его по имени, этот человек был ты, и я ужасно горжусь тобой, Джордж.

Ему был ненавистен этот разговор, он не мог слышать лесть даже от нее. Он был настолько застенчив, что никогда никому не рассказывал об этом эпизоде — он всплыл какими-то окольными путями. И все же он не мог не испытывать радости от того, что она узнала об этом случае. Для него очень много значило, что она была так взволнована, а ее сверкавшие глаза и вздымавшаяся грудь явно свидетельствовали о том, что она действительно взволнована.

Он поднял глаза, и взгляды их встретились; комната тонула в темноте, и яркое пламя от поленьев, которые слуга положил в огонь, играло на ее лице. Его глаза встретились с ее, и в них было такое выражение, от которого ему некуда было спрятаться, даже если бы и хотелось. Она откинула голову назад, так что корона ее блестящих волос легла на спинку стула, и в таком положении могла глядеть ему прямо в лицо. Он встал у камина. Медленная, прелестная улыбка заиграла на этом обворожительном лице, и темные глаза стали мягкими и лучистыми, словно в них сверкнули слезы.

Через секунду все кончилось так, как она и думала, и как оно и должно было кончиться. Огромный, сильный человек стоял перед ней на коленях, держась одной рукой за стул, а другой сжав ее тонкие пальцы. Нерешительность и неуклюжесть исчезли, напор долго сдерживаемой страсти вдохновлял его, и на одном дыхании он рассказал ей, как он страдал из-за нее все эти годы одиночества и безнадежного отчаяния, рассказав все без утайки.

Многого она не поняла, с ее мелковатым воображением и подрезанными крыльями невозможно было подняться до высот его страсти. Раз или два его возвышенные идеи заставили ее улыбнуться, с ее представлениями о жизни ей казалось смешным, что мужчина может так относиться к какой-нибудь женщине. И когда он, наконец, окончил свою исповедь, она и не пыталась ответить, чувствуя, что ее сила в молчании, да и что тут скажешь?

По крайней мере единственный аргумент, который она пустила в ход, был чисто женский, но исключительно действенный: она склонила к нему свое лицо, и он целовал его снова и снова.

IV

Прилив чувств, который переполнял нашего героя, когда тот возвращался в Олбани, чтобы переодеться к обеду (в тот вечер он должен был обедать вместе с братом в клубе), был настолько необыкновенным, что он, образно выражаясь, буквально подкосил его. Давно свыкшись с этой несчастной и главной страстью своей жизни, он не мог поверить в удачу. Неужели он вновь завоевал Мадлену – нет, это слишком невероятно.

В тот вечер сэръ Юстас пригласил к обеду двух своих знакомых, один из которых являлся заместителем министра колоний. В скором времени ему предстоял жесточайший перекрестный допрос в Парламенте по южноафриканскому вопросу и он с радостью ухватился за возможность пристрастно расспросить обо всем человека, столь сведущего в данном предмете. Но обнадеженного заместителя министра постигло разочарование, ибо он не выведал у нашего героя ничего путного. Почти весь обед тот молчал и откликнулся лишь на прямые вопросы, да и то отвечал невпопад. Заместитель министра вскоре решил, что брат сэра Юстаса или дурак, или перебрал лишнего.

Сам сэръ Юстас счел обед испорченным из-за молчаливости брата, что, естественно, не улучшило его настроения. Он не привык к тому, чтобы ему портили обеды, и чувствовал

себя неловко перед заместителем министра.

– Мой дорогой Джордж, – сказал он тоном ласкового раздражения, когда они вернулись в Олбани, – какая муха тебя укусила? Я сказал Атерли, что ты ему дашь полный отчет об этой неразберихе в Бехуане, а он не мог из тебя вытянуть ни слова.

Брат с отсутствующим видом набивал трубку:

– Бехуанцы? Да, про них я знаю все, я среди них целый год прожил.

– Тогда почему же ты не рассказал ему о них? В какое дурацкое положение ты поставил меня.

– Мне очень жаль, Юстас, – ответил он кротко. Завтра же пойду и все объясню ему. Дело в том, что я думал совсем о другом.

Сэр Юстас вопросительно посмотрел на него.

– Я думал, – медленно проговорил он, – о Мад, о леди Кростон.

– Ну и ну!

– Я был у нее сегодня, и мне кажется... я думаю, что женюсь на ней.

Если Бутылкин ожидал, что эту великую новость брат встретит возгласами поздравлений так, как и положено встречать подобные новости, то он жестоко ошибался.

– Боже милостивый! – только и воскликнул сэр Юстас, и очки его упали на нос.

– Почему ты так говоришь? – смущенно спросил Бутыл-

кин.

– Потому что – потому, – отчеканил брат с ударением на каждом слогe, словно удерживаясь от крепких выражений. – Ты, наверное, совсем с ума сошел.

– Почему я сошел с ума?

– Потому что ты, еще не старый человек, перед которым открыт весь мир, сознательно хочешь связать себя с женщиной в возрасте и женщиной уже увядшей, посмотри хорошенько при дневном свете, она ужасно увяла, смею тебя заверить. К тому же она уже однажды поступила с тобой по-свински, и на ней мертвым грузом висят двое детей, и если она вновь выйдет замуж, то кроме любви к красивой жизни она тебе ничего дать не может. Но я предполагал это. Я так и думал, что своими томными бархатными глазами она покорит тебя. Ты не первый, я давно знаю ее.

– Если ты собираешься оскорблять Мадлену, – возмущенно воскликнул его брат, – тогда лучше пожелаем друг другу спокойной ночи, иначе мы посоримся, чего бы я хотел меньше всего на свете.

Сэр Юстас пожал плечами. «Если боги хотят покарать человека, они сначала лишают его рассудка, – пробормотал он, зажигая свечу. – Что и произошло после южно-африканской кампании».

Но сэр Юстас отличался податливым нравом. Его любимый девиз звучал так: «Живи, пока живется» и, тщательно обдумав во время бритья всю эту историю, он пришел к вы-

воду, что как ни трудно признать, но его брат будет поступать по-своему и самое лучшее, что можно сделать – это согласиться с ним и довериться естественному ходу вещей, который поставит все на свои места. Несмотря на видимую светскость и цинизм, сэра Юстас был в душе добрым малым и питал нежные чувства к своему незадачливому брату-молчальнику. Кроме того, он испытывал большую неприязнь и презрение к леди Кростон, которую он раскусил давным-давно.

Он успел хорошо познакомиться с ней, поскольку являлся одним из душеприказчиков ее мужа, и ему пришло в голову, что она может так настойчиво искать его общества оттого, что он получил титул барона.

Идея брака между братом Джорджем и его старой любовью представлялась ему во всех отношениях несимпатичной. Во-первых, по завещанию мужа Мадлена мало что получит после второго замужества. Это первое «но». Другое, значительно более существенное для сэра Юстаса заключалось в том, что в ее возрасте она вряд ли одарит семейство Периттов наследником. Сам сэра Юстас не имел ни малейшего желания жениться. Он считал брак замечательным институтом, необходимым для достойного поддержания жизни, но сам не желал иметь к нему никакого отношения. Поэтому, если его брат женится, он искренно хотел бы, чтобы от этого союза произошли дети, наследующие титул и поместье. Но прежде всех этих замечательных доводов в нем говорила

сильнейшая неприязнь и недоверие к этой даме.

Однако плетью обуха не перешибешь. Он не собирался ссориться с единственным братом и возможным наследником из-за того, что тот собирается жениться на женщине, которая ему не нравится. Так что он пожал плечами, разом закончив бриться и размышлять, и решил сохранять хорошую мину при плохой игре.

– Итак, Джордж, ты все же решил жениться на леди Кростон?

Бутылкин удивленно поглядел на него. «Да, Юстас, если она согласится.»

Сэр Юстас окинул его вопрошающим взглядом. «Я думал, что дело уже решено», – сказал он.

Бутылкин задумчиво потер нос:

– Нет еще. О женитьбе еще не было речи. Но мне кажется, она хотела бы выйти за меня замуж. Одним словом, я не представляю, какие еще намерения у нее могут быть по отношению ко мне.

Сэр Юстас вздохнул с облегчением, догадавшись, что произошло. Итак, помолвка еще не состоялась.

– Когда ты собираешься увидеться с нею?

– Завтра. Сегодня она целый день занята.

Его брат вынул блокнот и справился со своим распоряжением.

– Значит, мне повезло больше, чем тебе. Сегодня вечером у меня назначена встреча с леди Кростон. Не ревнуй, мой

милый, всего лишь дело о наследстве. Мне кажется, я говорил тебе, что я один из душеприказчиков ее мужа, царствие ему небесное. Она странная женщина, твоя возлюбленная, – клянется, что не доверяет своему адвокату, так что всю черную работу я должен делать сам, как это ни грустно. Хорошо, если бы ты тоже пришел.

– А я не помешаю? – с сомнением в голосе спросил Бутылкин, слабо возражая против подкупа.

– Дорогой мой, как ты можешь помешать? Я только отдам бумаги на подпись и удалюсь. Ты должен быть мне бесконечно благодарен за выдавшуюся возможность. Будем считать, что все решено. Пообедаем вместе, а потом пойдем на Гросвенор стрит. Бутылкин согласился. Если бы он знал, какой план зародился в голове его брата, он, возможно, и не согласился бы с такой готовностью.

Когда ее старый возлюбленный неохотно покинул их дом, чтобы переодеться к обеду, Мадлена Кростон уселась и хорошенько задумалась. Положение не из лучших. Конечно, ей было очень приятно увидеть его, а его пылкое объяснение в любви вновь и вновь наполняло ее трепетом и даже рождало эхо в ее груди. Она гордилась тем, что этот человек, несмотря на все его уродство и неуклюжесть (инстинкт подсказывал ей), стоил дюжины лондонских щеголей, и вот этот человек все еще любит ее и никогда не переставал любить. Бедный Бутылкин! Когда-то она была очень привязана к нему. Они

вместе выросли и ей пришлось пережить немало горьких минут, когда чувство, что она должна подчиниться интересам семьи и своим собственным интересам, заставило ее отвергнуть своего избранника.

В тот вечер она вспомнила, как сомневалась тогда: а стоит ли игра свеч? А может быть, ее жизнь будет ярче и счастливей, если она решится все претерпеть бок о бок со своим честным возлюбленным. Что ж, сейчас она может ответить на этот вопрос. Игра стоила свеч. Мужа своего она не любила – это правда, но вобщем-то у нее были свои радости и много денег, и власть, которую дают деньги. Мудрость, пришедшая вместе со зрелостью, лишь подтвердила ее юношеские суждения. Что касается Бутылкина, то она вскоре избавилась от этой фантазии: она годами не думала о нем до той минуты, как сэр Юстас сказал ей, что он возвращается домой, и ей приснился странный сон. Но вот он пришел к ней и добился ее близости, не в галантной, обходительной манере, к которой она привыкла, и со страстью, огнем и с полнейшим самозабвением, которое хоть и щекотало нервы, рождая смешанное чувство наслаждения и боли, подобное тому, что она испытала на испанской корриде, когда бык подбросил тореодора в воздух, но при этом новое ощущение немало встревожило ее и привело в полное замешательство.

И вновь перед нею стоял все тот же вопрос: что же делать? Сегодня утром в разговоре с ним она уклонилась от ответа, но он будет просить ее руки, она была уверена в этом. Если

она согласится, на что они будут жить? Ее вдовья доля наследства при повторном замужестве будет урезана до тысячи фунтов в год – сейчас она получает четыре и то приходится экономить, а что до Бутылкина, она знала, что в его распоряжении – восемьсот фунтов, сэр Юстас сказал ей. Конечно, он унаследует титул барона, но сэр Юстас выглядит так, словно он проживет еще целую вечность, а кроме того он и сам может жениться.

Несколько минут леди Кростон размышляла о том, как прожить на 1800 фунтов в год в убогом домишке, который ей даст Верховный суд как попечитель ее детей где-нибудь в Кенсингтоне. Вскоре ей стало ясно: пускаться в эту авантюру никак нельзя.

«Совершенно очевидно, что пока сэр Юстас не поддержит брата, пожениться мы не сможем, – сказала она себе со вздохом. Однако не следует говорить ему об этом сейчас, а то он бросится в Южную Африку или еще куда-нибудь.»

V

Сэр Юстас и его брат действовали по намеченному плану. Они вместе пообедали и около половины десятого отправились на Гросвенор стрит. Степенный лакей провел их в гостиную, сообщив сэру Юстасу, что госпожа находится наверху в детской, а его ждет записка, где она обещает скоро спуститься. – Отлично, никакой спешки нет, – рассеянно сказал сэр Юстас, и слуга удалился.

Бутылкин по своему обыкновению нервно кружил по комнате, в то время как его брат стоял повернувшись спиной к огню и озирался вокруг. Внезапно его взгляд остановился на голубой бархатной портьере, которая отделяла комнату, где они сейчас находились, от большого салона, в котором никого не принимали с тех пор, как леди Кростон овдовела, и внезапно мысль, давно блуждавшая в его сознании, стала ясной и отчетливой. Он был скор на решения и через секунду уже приводил ее в действие.

– Джордж, – проговорил он быстро, тихим голосом, – послушай меня и, бога ради, не перебивай. Ты ведь знаешь: я не сторонник этой идеи – твоего брака с леди Кростон. И ты знаешь, что я ее считаю пустой – подожди, не перебивай, я только высказываю свое мнение. Ты веришь в нее, ты веришь, что она любит тебя и выйдет за тебя замуж, и имеешь на то основания, так ведь?

Бутылкин кивнул в ответ.

– Отлично. А если я сумею продемонстрировать тебе через полчаса, что она готова выйти за другого – например, за меня, ты по-прежнему будешь верить в нее?

Бутылкин побледнел.

– Это невозможно, – сказал он.

– Дело не в этом. Ты бы все равно верил в нее и все равно женился?

– Господи боже мой, нет, конечно.

– Прекрасно. Тогда я скажу тебе, на что я готов ради тебя, чтобы ты получил хотя бы слабое представление о том, как меня глубоко волнует эта история: я приношу себя в жертву.

– Приносишь себя в жертву?

– Да. То есть сегодня вечером я сделаю предложение леди Кростон прямо у тебя под носом, и бьюсь об заклад, что она его примет.

– Невозможно! – повторил Бутылкин. – И кроме того, даже если она согласится, ты-то ведь не хочешь жениться на ней.

– Жениться на ней! Ну, нет, уволь. Я еще не сошел с ума. Я постараюсь потом выкрутиться. У меня всегда было совершенно определенное отношение к этой даме.

– Прости меня, – сказал Бутылкин, судорожно глотая воздух, но я должен спросить, короче, ты был когда-нибудь близок с Мадленой?

– Клянусь честью, никогда.

– И все же ты думаешь, что она бы вышла за тебя, если бы ты сделал предложение, даже после того, что произошло между нами вчера?

– Да, я так думаю.

– Но почему?

– А потому, мой дорогой, – ответил сэр Юстас с циничной улыбкой, что у меня восемь тысяч фунтов в год, а у тебя – восемь сотен, у меня титул, а у тебя его нет. А то, что из нас двоих ты лучше, боюсь, не возмещает этой разницы.

Бутылкин одним жестом отвел этот любезный комплимент брата и повернул к нему неподвижное белое лицо.

– Я не верю тебе, Юстас, – сказал он. – Ты, верно, не понимаешь, в каком свете ты хочешь представить эту женщину, когда ты говоришь, что она могла целовать меня и объясняться мне в любви – а именно так все и было вчера – а сегодня пообещать тебе стать твоей женой? Сэр Юстас пожал плечами. «Мне думается, что интересующая нас с тобой особа однажды поступила именно так, Джордж.»

– Но это случилось много лет назад и под давлением обстоятельств. Что ж, Юстас, ты бросил это обвинение, ты подорвал мою веру в Мадлену, на которой я хочу жениться, а теперь ты должен доказать его. Давай, попробуй. Держу пари, что не сможешь.

– Дорогой мой, не взвинчивай себя, а что до пари, то больше пяти фунтов я бы не поставил. Теперь сделай мне такое одолжение, спрячься за эту голубую бархатную портьеру –

как в «Школе злословия», набери в рот воды и слушай мой разговор с леди Кростон. Она не знает, что ты здесь, так что не удивится твоему отсутствию. Когда почувствуешь, что с тебя довольно, можешь уйти – там есть дверь на лестничную площадку; когда мы подходили, я заметил, что она распахнута. Или, если хочешь, можешь появиться из-за портьеры как взбешенный муж и разыграть соответствующую сцену. Да, в этой истории есть немало смешного. Я бы ужасно веселился, окажись я там на твоём месте. Давай-ка, ступай за портьеру.

Бутылкин колебался. «Я не могу прятаться», – сказал он.

– Ерунда. Помни, сколь многое зависит от этого. В любви и в войне все законно. Скорее, вот и она.

Бутылкин был взбудоражен и согласился, с трудом отдавая себе отчет, что делает. Через секунду он уже был в темной комнате за портьерой и мог наблюдать через щель за освещенной сценой, а сэр Юстас вернулся на свое место у огня, размышляя о том, что, ревностно спасая брата от самоубийственного – как он считал – брака, он втянул себя в очень милую историю. Предположим, она согласится, брат будет в бешенстве, а ему, возможно, придется уехать за границу, чтобы скрыться от этой женщины. А если она откажет ему, он будет выглядеть дураком. Тем временем до него донесся шелест ее юбок – она спускалась с лестницы и через секунду вошла в комнату. На ней было красивое платье из серебристо-серого шелка, щедро украшенное черным кружевом, с открытой спиной и вырезом, открывавшим округ-

лые плечи. Она не носила украшений, принадлежа к той редкой категории женщин, которые могут легко обходиться без них, – красную камелию, приколотую к вырезу, едва ли можно счесть украшением.

Притаившегося за портьерой Бутылкина снедали сомнения и стыд, но он подметил эту камелию и теперь гадал, что же она ему напоминает. Затем, словно вспышка, озарило сознание и перед глазами всплыла веранда в далеком Натале, и он с раскрытым письмом в руках глядит во все глаза на цветущий куст камелии. Эта камелия на ее груди показалась ему дурным знаком. Через секунду раздался голос Мадлены.

– О, сэр Юстас, тысячу извинений. Должно быть вы здесь уже десять минут, я слышала, как хлопнула входная дверь, когда вы вошли. Но у моей бедной крошки Эффи ангина, ее лихорадит и она категорически отказывается спать, не поддержав меня за руку.

– Счастливая Эффи, – сказал сэр Юстас, вежливо поклонившись, я прекрасно понимаю ее.

В эту секунду он сам взял Мадлену за руку, подкрепив свои слова нежнейшим рукопожатием. Но, зная его повадки, она не обратила на это особого внимания. Когда сэр Юстас пожимал руку даже относительно далеким ему людям, они сомневались: то ли он собирается сделать им предложение, то ли заговорить о погоде. Увы, все ограничивалось лишь погодой.

– Но я пришел по делу, а все деловые люди привыкли

ждать, – продолжил он.

– Вы, действительно, очень добры, сэр Юстас, что уделяете столько внимания моим делам.

– Для меня это удовольствие, леди Кростон.

– Сэр Юстас, не надейтесь: я все равно не поверю, – рассмеялась эта лучезарная особа. – Но если бы вы только знали, как я ненавижу адвокатов и всю эту волокиту, я уверена, что вы не стали бы тратить на меня свое время.

– Не говорите об этом, леди Кростон. Для вас я готов и на большее, – тут он понизил голос, – я даже не знаю, чего бы я не сделал ради вас, Мадлена.

Она подняла свои изящные брови, так что они вытянулись в два знака вопроса, и слегка зарделась. Ничего подобного в сэре Юстасе она раньше не замечала. Неужели он все это говорит всерьез? Не может быть.

– Что же касается дела, – продолжал он, – не то, чтобы у нас тут было слишком много дел. Насколько я понимаю, вы только должны подписать уже заверенный документ, и деньги будут перечислены.

Она подписала документ, который он вынул из большого конверта, почти не глядя – замечание сэра Юстаса не выходило у нее из головы. Сэр Юстас положил бумагу обратно в конверт.

– И это все, сэр Юстас? – спросила она.

– Да, все. Теперь, когда я выполнил свой долг, я, пожалуй, пойду.

– Да уж, ради всего святого, иди! – прорычал Бутылкин за портьерой. Ему не нравилась чрезмерная обходительность брата и терпимость Мадлены к ней.

– Нет уж, лучше садитесь и поговорите со мной – если у вас, конечно нет другого, более приятного занятия.

Не трудно вообразить быстрый ответ сэра Юстаса и радостную улыбку Мадлены, с которой она приняла этот комплимент, усевшись на низкий стул – все тот же низкий стул, на котором она восседала вчера.

– Интересно, что сейчас испытывает Джордж? – подумал про себя сэр Юстас.

– Мой брат говорит, что вчера он виделся с вами, – начал он.

– Да, – ответила она, – снова улыбнувшись и недоумевая в душе, что еще открыл ему брат.

– Как вы находите, он очень сильно изменился?

– Нет, не очень.

– Когда-то вы были очень увлечены друг другом, если память мне не изменяет.

– Да, когда-то.

– Я часто думаю, как это любопытно – задумчиво продолжил сэр Юстас, – наблюдать, как время все меняет, особенно, когда это касается чувств. Вот дети строят крепости на берегу моря и думают, пока они еще маленькие, что завтра утром найдут их на том же самом месте. Но они забывают о приливе. Назавтра он сровняет их с песком, и маленьким

мальчикам придется начать все сначала. То же самое происходит с нашими юношескими влюбленностями, правда? На них накатывают волны времени и смывают их, к счастью для нас. Взять вас, например: какое счастье для вас обоих, что ваш замок на песке не устоял. Не правда ли?

Мадлена тихо вздохнула. «Да, наверное, это так.»

Бутылкин, стоявший за портьерами, быстро окинул прошлое мысленным взором, и пришел к другому выводу.

– Слава Богу, с этим все кончено, – сказал сэр Юстас бодро.

Мадлена не противоречила ему, она не знала, что на это можно возразить.

В комнате воцарилось молчание.

– Мадлена, – снова заговорил сэр Юстас изменившимся голосом, – я хочу что-то сказать вам.

– Конечно, сэр Юстас, – ответила она, снова вопросительно приподняв брови, – что же именно?

– Вот что, Мадлена, – я прошу вас стать моей женой.

Голубая бархатная портьера внезапно подпрыгнула, словно она ассистировала медиуму на спиритическом сеансе.

Сэр Юстас предупредительно посмотрел в ту сторону.

Мадлена ничего не заметила.

– Да что вы, сэр Юстас!

– Полагаю, что удивил вас, – продолжал наш пылкий влюбленный, – мое предложение может показаться странным, но, по правде говоря, это не так.

– Боже мой, какая ложь! – прорычал обезумевший Бутылкин.

– Мне казалось, сэра Юстас, – проворковала Мадлена своим нежным низким голосом, вы совсем недавно говорили, будто вы никогда не собирались жениться.

– Я и не собирался, Мадлена, поскольку считал, что у меня нет никакой возможности жениться на вас (надеюсь и просто уверен в том, что такой возможности и нет, – добавил он про себя). – Но, но Мадлена, я люблю вас. (Господи, прости меня за эту ложь!) – Мадлена, послушайте меня, прежде чем дать ответ, – и он пододвинул свой стул к ней. – Я очень одинок и хочу жениться. Мне кажется, мы бы очень подошли друг другу. В нашем возрасте, когда юность уже давно позади (он не мог удержаться от этой колкости, заставив Мадлену поморщиться), вероятно, мы оба не выбрали бы себе в супруги человека младшего по возрасту. Мадлена, у меня было много поводов за последнее время, чтобы убедиться в красоте вашей души, а что касается вашей внешней красоты – то тут нужно быть просто слепцом. Я могу предложить вам хорошее положение, хорошее состояние и себя, такого, как я есть. Согласны ли вы? – и он взял ее за руку и серьезно поглядел на нее.

– Право же, сэра Юстас, – пробормотала она, – все это так неожиданно, так внезапно.

– Да, Мадлена, я знаю. Я не вправе брать вас штурмом, но я верю, что моя торопливость не обернется против меня.

Подумайте немного – скажем неделю (к этому времени, – подумал он про себя, – я надеюсь уже быть в Алжире). Но, если можно, Мадлена, скажите мне, что у меня есть надежда.

Она не дала ему мгновенного ответа, но, позволив рукам безвольно упасть на колени, глядела прямо перед собой, взвешивая все за и против, и ее прекрасные глаза были устремлены в пустоту. Тогда сэр Юстас набрался мужества и, наклонившись, поцеловал это лицо, чем-то напоминавшее лик Мадонны. Но ответа все не было. Лишь мягко отстранив его, она прошептала:

– Да, Юстас, наверное, я могу сказать вам, что у вас есть надежда.

Бутылкин не выдержал: стиснув зубы, с горящим взором он сполз в зал вниз по лестнице. Он был совершенно убит. Снял пальто и шляпу с вешалки и вышел на улицу.

«Я совершил низость, – подумал он, – и заплатил за это». Сэр Юстас услышал, что дверь тихо закрылась, и тоже вышел из комнаты, пробормотав: «Мадлена, я скоро приду за ответом».

Когда он дошел до улицы, брат уже скрылся из виду.

VI

Сэр Юстас не стал возвращаться в Олбани, а нанял извозчика и отправился в клуб.

«Что ж, – подумал он про себя, – немало ролей сыграл я в этой жизни, но такой, как сегодня, еще ни разу не доводилось. Я только надеюсь, что Джордж не будет страдать. Я открыл ему глаза. Ну и женщина», – но мы не будем повторять комментарии сэра Юстаса по поводу этой дамы, с которой он был почти помолвлен.

В клубе сэр Юстас встретил своего друга заместителя министра, который только что вернулся из Парламента. Благодаря информации, которую сегодня утром ему сообщил Бутылкин, которого в покаянном настроении сэр Юстас послал в Колониальное Управление, он только что доблестно смешал все карты и чуть не разбил наголову наглецов, желавших «войти в курс дела». После такой победы он ликовал и воодушевленно приветствовал сэра Юстаса. Они просидели за беседой больше часа.

Потом сэр Юстас, бывший, как мы уже говорили, жаворонком, а не совой, отправился домой.

У себя в гостиной он обнаружил брата, размышлявшего у камина с трубкой в зубах.

– Привет, старик, – поздоровался он, – жаль, что ты не пошел со мною в клуб. Там был Атерли, он в восхищении

от тебя. То, что ты рассказал ему сегодня утром, позволило ему разгромить врагов, а поскольку в последнее время борьба эта была довольно безуспешной, теперь он ликует. Он хочет увидаться с тобою завтра. Кстати говоря, ты очень ловко скрылся вчера. Вот бы и мне так. Ну что ты теперь думаешь о своей любимой?

– Я думаю, – сказал он медленно, – что я лучше не буду говорить о том, что я думаю.

– Ну теперь-то ты не собираешься жениться на ней?

– Нет, я не женюсь на ней.

– Отлично, но я предполагаю, что так просто от нее не избавишься. Однако в жизни бывают такие моменты, когда нужно пожертвовать собственным комфортом – сейчас как раз такой момент. В конце концов, она действительно очень мила в темноте, бывает хуже.

Джордж вздрогнул, а сэр Юстас закурил сигарету.

– Кстати, старина, – сказал он, устроившись в кресле, – надеюсь, ты на меня не сердишься. Поверь, у тебя нет оснований ревновать ее, ей наплевать на меня, все дело в титуле и состоянии. Если бы завтра к ней посватался лорд с годовым доходом в тысячу фунтов, она бы тотчас отшвырнула меня, как резиновый мячик, и вышла за него.

– Нет, я не сержусь на тебя, ты хотел как лучше, я зол на себя. Шпионить за малодушной женщиной недостойно.

– Ты слишком щепетилен, – сказал зевая сэр Юстас. Когда охотишься за змеей, все средства хороши. Бог мой, раз

или два я чуть не взорвался – ну и комедия. – И сэр Юстас погрузился в сон.

Джордж сидел молча и глядел на огонь.

Через некоторое время его брат внезапно очнулся.

– Бутылкин, ты еще здесь? (Он впервые назвал его так с тех пор, как он вернулся). – Странная вещь, но мне снилось, что мы снова дети и ловим форель в Кэнтльбруке. Мне приснилось, что я поймал большую рыбу, а ты так взволнован, что даже прыгнул за ней в воду – помнишь, так и было однажды, тебя понесло вниз по течению, а я остался на берегу, жуткий сон. Ну ладно, спокойной ночи, дорогой. Предлагаю поехать туда весной и половить форель. Храни тебя Господь!

– Спокойной ночи, – сказал Джордж, ласково глядя вслед уходящему брату.

Потом он поднялся и тоже отправился в спальню. На столе стоял старый потрепанный чемодан в металлической оправе – спутник всех его путешествий. Он раскрыл его и первым делом достал бутылку с хлоралом.

«А, – сказал он, – ты мне понадобишься, если я снова усну». Поставив бутылку на стол, он вытащил из грязного конверта одно или два письма и выцветшую фотографию. Ту самую, что висела над его кроватью в Марицбурге. Он уничтожил их, разорвав на мелкие клочки своими сильными бронзового цвета пальцами.

Потом закрыл коробку и в задумчивости уселся за стол, открыл шлюзы в мозгу и позволил морю страдания свободно

вливаться через них.

Итак, этой женщине он простил все и чтил, и любил ее все эти годы. Вот и конец всему. Достойная награда за его преданность и его надежды. Он скривился от боли и презрения к самому себе. Что теперь делать? Вернуться в Южную Африку?

Уже нет душевных сил. Остаться здесь? – Невозможно. Запас жизненных сил истрачен. Обман рассеялся – прелестная иллюзия его жизни. Он чувствовал, что сходит с ума, как человек, от которого отделилась тень.

Он поднялся, открыл окно и выглянул наружу. Стояла ясная морозная ночь, и звезды ярко сверкали. Он постоял, поглядел на них, потом разделся. Обычно он молился перед сном, в отличие от большинства мужчин. За долгие годы он ни разу не уснул без молитвы, в которой просил Провидение, чтобы оно хранило и благословляло его любимую Мадлену. Но сегодня он не произнес ни одной молитвы. Он не мог молиться. Три ангела: Вера, Надежда, Любовь, чей шепот до сего дня не умолкал в его ушах, взлетели и покинули его, пока он играл в соглядатая за голубыми бархатными портьерами.

Он проглотил снотворное и уснул.

Когда Мадлена Кростон узнала страшную новость на светском обеде, состоявшемся на следующий день, она была потрясена и решила вернуться домой раньше обычного. И по-

ныне она пересказывает эту историю как пугающее предостережение против неосторожного использования хлорала.